

К ВОПРОСУ О ВАРВАРАХ В «БРЕВИАРИИ» ЕВТРОПИЯ

Е.А. Семичева

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

Статья посвящена анализу категории «Другой» в тексте Евтропия, выраженному понятием «варвар» и его производными. Контекст использования терминов позволяет сделать вывод о преобладании в представлении автора этнического аспекта над культурным противопоставлением, что объясняется не только жанровым своеобразием источника, но и размыванием границ между варварским и римским миром.

Ключевые слова: поздняя античность, варвар, идентичность, «другой», Евтропий, контекст.

ON THE ISSUE OF THE BARBARIAN IN EUTROPIUS' BREVIARIUM

E.A. Semicheva

Belgorod National research University

The article considers the category «Other» in the text of Eutropius, the concept of «barbarian» and its derivatives. The context of using the term allows us to come to the conclusion about the prevalence of ethnic aspect over the cultural contrast in the view of the author. That is explained not only the genre of the text, but also the blurring of the borders between the barbarian and Roman world.

Keywords: Late Antiquity, barbarian, identity, «Other», Eutropius, context.

Юбилей глубокоуважаемого Н.Н. Болгова – замечательный повод выразить ему слова признательности как за ту помощь, которая была оказана мне на заре научной и профессиональной карьеры: при поступлении в аспирантуру и в первых шагах работы на кафедре и факультете, так и теперь, за поддержку и интерес к идеям, которые составляют проблемное поле моих нынешних исследований, за профессиональное научное консультирование. Небольшой сюжет в русле указанной проблематики представлен в данной статье.

Современные подходы к истории и источниковедению ориентированы на повышение информативности исторических источников, разработку новых методов исследования текста для выявления латентной информации. При исследовании менталитета человека древности важнейшее значение приобретает язык, терминология, контекст использования тех или иных понятий, характер ситуаций применения, что позволяет определить значение термина в системе ценностей автора и/или социальной группы.

Феномен «другости» и способы его проявления в пространстве позднеантичной культуры имеют выраженную научную значимость для конструирования и интерпретации индивидуальной и коллективной идентичности. Интерес современного гуманитарного знания к данной проблеме очевиден, а позднеантичное общество представляет собой репрезентативный материал для решения такого рода задач, так как происходящие в нем культурно – исторические и социальные процессы, с одной стороны, характеризуются высокой степенью завершенности, с другой стороны, имеют сложные динамичные формы, свойственные переходным периодам.

Некоторые аспекты образа Другого в представлениях человека Поздней античности позволяет уточнить терминологический анализ труда Евтропия. Данная работа посвящена анализу того восприятия и оценки Другого, которое передано у автора термином «barbari» и его производными и продолжает изучение терминов «дружости» в различных контекстах, начатое нами с исследования Аммиана Марцеллина.

Как термин «варвар», так и явление «варварство» принадлежит к числу наиболее активно разрабатываемых в антиковедении. По замечанию И.Е. Сурикова, несмотря на то, что «...само понятие «варвар» впервые появилось именно в Древней Греции, впоследствии в мировом гуманитарном дискурсе восторжествовала негреческая концепция варварства (в рамках которой в качестве варварских воспринимались все остальные этносы, кроме самих эллинов, причем не придавалось никакого значения уровню развития, так что в роли «варваров» выступал в равной мере и полудикий фракиец, и египтянин с его тысячелетней мудростью), а римская, имевшая принципиально иной характер. Последняя трактовала варварство уже в контрастном сопоставлении с цивилизацией; варварами римляне называли представителей низкоразвитых периферийных народов»¹. Безусловно, подобное отношение выражено в многочисленных римских источниках, однако представление о варварах не является застывшим конструктом и «между Римом и варварством лежали для римлян не только пропасть, но и обширный спектр переходных состояний, и границы между этими состояниями были подвижны»².

В частности, в период Поздней империи, когда христианство стало государственной религией, этнические и культурные различия между римлянами (т.е. гражданами римского государства) и варварами, которые во времена варваризации империи часто становились федератами и селились на её территории, в лоне христианской церкви сходили на нет. Впрочем, на место прежней, этнической и культурной, конфронтации в позднеантичном обществе явилась новая, религиозная³.

Тенденция минимизировать различия не только между регионами империи, но и между римлянами и «варварами» отмечена Р.У. Ибатуллиним, который вслед за П. Гарнси и К. Хамфресс, отмечает, что германцы IV в. н.э. были скорее маргиналами римского мира, чем представителями мира альтернативного⁴. Между позднеримской и «варварской» знатью в V веке и позже не было никаких социальных барьеров, их тесно связывали брачные, дружеские, политические и другие отношения. «Варвары» как чужие дикие народы, вторгающиеся извне – всего лишь штамп имперской пропаганды⁵.

Анализ текста Евтропия позволяет, на наш взгляд, подтвердить эту тенденцию. Термины «barbaris», «barbaros», «Barbarico», «barbarorum» и «barbaria» встречаются в тексте в 13 случаях, причем, в большинстве во второй его половине, эпизодах, хронологически более близких ко времени автора.

Дважды Евтропий употребляет характеристику «варварский» по отношению к отдаленным землям (VII,9; IX,4). В пяти фрагментах говорит о варварах как собирательном образе противника (VIII, 13; IX, 17; IX, 21; IX, 23; X,14). В этом смысле показателен эпизод, где он пишет, что войско, собравшееся для гражданской войны, могло бы покорить мир, если бы выступило против варваров (VI, 21). При этом акцент сделан автором на осуждении внутрен-

них войн, что свойственно всему тексту «Бревиария», а не на варварской угрозе, термин употреблен, по сути, в нейтральном значении. Гораздо чаще Евтропий пишет о противниках римлян, называя конкретные этнонимы.

Трижды Евтропий говорит о варварах, указывая на популярность в их среде римских императоров (VII,10; VIII, 8). Так, например, характеризует он Константина: «*Nam etiam Gothos post civile bellum varie profligavit pace his ad postremum data, ingentemque apud barbaras gentes memoriae gratiam collocavit*». (X, 7). Соответственно, здесь мы также имеем дело не столько с категорией «чуждости», сколько с вполне одобряемым Евтропием процессом включения варварского мира в орбиту римского влияния.

Более или менее выраженная оппозиция «римлянин-варвар» имеется в рассказе Евтропия об Адриане и его намерении оставить Дакию (VIII,6), вполне явственно осуждаемом автором в связи с сокращением границ империи и тем, что переселившиеся в Дакию граждане Рима перейдут под власть варваров.

Однако, единственный эпизод, где Евтропий вкладывает в понятие «варвар» явно негативное значение, синонимичное «дикости» и отсутствию культуры, как ни парадоксально, связан с римлянами времени Нумы Помпилия. Автор называет их «полуварварами» за стремление к постоянным войнам и беззаконие: «*Romanis moresque constituit, qui consuetudine proeliorum iam latrones ac semibarbari putabantur*» (I,3). Следует обратить внимание, что сами войны, особенно успешные, не вызывают у Евтропия отрицания, напротив, являются одним из критериев положительной оценки римских правителей. Возможно, данный фрагмент, критикующий беспорядочные войны («войны без правил») есть следование устойчиво сохраняющейся в литературе морализаторской тенденции, концепции «честной войны», восходящей еще к позднеклассической греческой традиции⁶.

В статье М.В. Домского приведены многочисленные яркие примеры негативных характеристик германцев и других варварских народов в позднеантичной традиции, в результате анализа которых он приходит к выводу, что «...авторы, предвзято относящиеся к варварской периферии, не склонны описывать и понимать презируемую ими «низшую» общность людей и потому мало отличают друг от друга варварские культуры. Помимо того, ориентированность авторов на воспроизведение «клише» книжной традиции оказывает существенное влияние на подачу материала о германцах, равно как и об иных варварах»⁷. Исследователь, правда, отмечает отсутствие у Евтропия подобных оценочных характеристик, считая это следствием строгих законов эпитомизаторской историографии IV века, исключающих авторское видение истории, что нам, в свою очередь, представляется спорным: обширная аргументация наличия у Евтропия собственных представлений об истории Рима содержится в работах Д.В. Кареева⁸.

Безусловно, отсутствие негативного звучания термина «варвар» может объясняться жанровыми особенностями, присущей Евтропию сдержанностью и сухостью стиля, на которую указывают исследователи. Однако, характеризуя римских правителей, он, тем не менее, дает им вполне эмоциональные оценки, называя их поступки «тираническими», «не свойственными римлянам» и т.д. При всей лаконичности изложения оценки личностей и событий выглядят вполне однозначными и авторскими. Более того, по мнению А.Б. Егорова, негативные характеристики Евтропием императоров показывают те опасности, ко-

торые угрожали Империи: бездействие перед наступлением варварского мира, нарушение мира внутреннего и угроза культурного упадка и засилия «антикультуры»⁹. И, тем не менее, неоднократно упоминая или описывая обычаи, Евтропий ни разу не применяет к ним термин «варварские» в значении «невежественные, низшие», хотя и пишет о галлах, например, «*agrestes domuit*» (X,20).

Таким образом, имея ввиду два аспекта понятия «варварство»: этнический/лингвистический и этический/культурный, мы обнаруживаем у Евтропия преобладающее использование первого значения термина. Представляется вполне вероятным, что в тексте Бrevиария отражено изменение коннотации понятия «варвар» от стереотипного негативного звучания – культурного противопоставления, господствующего в предшествующей исторической традиции, к констатирующему собирательному обозначению «дружести» без оттенка «дикости», которое, в свою очередь, связано с вышеупомянутым размытием границ между римским и варварским миром.

Примечания:

1. Суриков И.Е. *На периферии великих цивилизаций Востока: античные греки как варвары* // *Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством* / под. ред. В.П. Будановой, О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 43.

2. Кнабе Г.С. *Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима* // *Культура Древнего Рима* / Под ред. Е.С. Голубцовой. В 2-х т. М., 1985. С. 268.

3. Никишин В.О. *Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллюстия: к вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. до н.э.* Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2000. С. 8.

4. Garnsey P., Humfress C. *The Evolution of the Late Antique World*. Cambr., 2001. P. 99.

5. Ибатуллин Р.У. *Античность в современном измерении* // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». Казань: Новое знание, 2001. С. 74-75.

6. Клейменов А.А. *Влияние дихотомии «эллина – варвары» на оценку полководческого искусства Филиппа II в античной историографии* // *Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством* / под. ред. В.П. Будановой, О.В. Воробьевой. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 94.

7. Домский М.В. *Особенности отражения германской культуры в античных источниках* // *Вестник Пермского университета. История*. 2005. Вып. 5. Пермь, 2005. С. 29-34.

8. Кареев Д.В. *Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бrevиарий от основания Города»*. СПб.: Алетейя, 2004. 250 с.

9. Егоров А.Б. *Императорская власть в "Бrevиарии" Евтропия* // *Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов.* - СПб., 2001. - [Эл. ресурс]. - URL <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/1997-10/egorov.htm>.